

Оформление ада

АЗИАТСКАЯ ПРОПАГАНДА В БРИТАНСКОМ МУЗЕЕ

Михаил Трофименков



Значок с Мао Цзэдуном, 1969 год



Джек Чэнь. Изображение черепа на фоне японского флага, 1930–938 годы



Нгуен Конг Зо. «Все ради мира», 1972 год

БЛАГОДАРЯ тому, что на выставке «Искусство влияния. Азиатская пропаганда. 1900–1976» в Британском музее нашлось место не только плакатам, но и медалям, банкнотам, игральным картам, сервизам и шелкам, осознаешь очевидное. Пропаганда — это и есть «большой», то есть объединяющий визуальную среду эпохи — от архитектуры до спичечных этикеток, — стиль XX века. Под это определение обычно подгоняют «тоталитарное искусство», но вся пропаганда, демократическая или диктаторская, восточная или западная — на одно лицо: и с эстетической, и с содержательной точки зрения. Внеидеологична, внациональна, внеморальна. Это ор, который не опровергнуть — только переорать, — а у ора нет национальности и идеологии. Ну а расизм, с которым пропаганда изображает военных противников — не столько расизм, хотя и он тоже, сколько закон военного времени: а как их еще прикажете изображать. Определение «азиатская» обозначает лишь топографию феномена, сравнительно мало известного, в отличие от европейской пропаганды. Хронология определена с оглядкой на Китай. В 1900 году восстание «боксеров» пода-

ло сигнал, что «спящий гигант» пробуждается и мало никому не покажется: Китай ненадолго усыпили штыки восьми держав. В 1976 году умер Мао, учинивший в Поднебесной «великий беспорядок» ради «великого упорядочения», которое мы теперь наблюдаем. Это годы стольких немыслимо изуверских кровопролитий, унесших столько жизней, что европейские трагедии выглядят несерьезно. Один Китай в 1910–1950 годах потерял — в междоусобицах «милитаристов», гражданских войнах, войне с Японией — десятки миллионов жизней, а впереди — «большой скачок» и «культурная революция». Русско-японская война — на ней были отработаны механизмы пропаганды XX века; войны, полвека опустошавшие Индокитай; боины в Корее и Индонезии; японская агрессия на Тихом океане. Простите: не «агрессия», а священная война за избавление страждущих братьев от колониального ига, за «Великую Восточноазиатскую сферу совместного процветания». Так ведь и Германия не жизненное пространство расширяла, а возглавляла «крестовый поход Единой Европы против большевизма».

Без экзотики, конечно, пропагандистское сопровождение ада не обошлось. Агитка в лучших индийских традициях: генерал-очкарик при сабельке и в зеленом мундире гарцует на белоснежном коне в золотой сбруе. Вот он какой — Субхас Чандра Бос. Соратник Махатмы Ганди разуверился в ненасилии, бежал (1940) из тюрьмы афганскими тропами в Берлин. С немецкой подлодки у берегов Мадагаскара он пересел на японскую, создал правительство Индии в изгнании, угробил в бирманских джунглях Индийскую национальную армию. В августе 1945 года самолет, на котором он зачем-то куда-то удирал, разбился на Тайване. Традиция традицией, но вот от марок, не приготившихся «свободной Индии», веет чем-то европейским. Мужик в тюрбане вздымает знамя, а по бокам — истинные арийцы в пилотках. Ну, еще японцы изображали Черчилля и Рузвельта как вполне японских чертей, восседающих на черепах загубленных ими солдат. Интересно, можно ли отнести к национальной специфике порнографический элемент японской пропаганды? На пропусках для солдат противника, желающих сдаться в плен — таких